

вивались и распространялись среди населения посада, в той именно социальной группе, жизнь которой изображается в данной повести. По своему происхождению эти демонологические представления восходят к древним языческим верованиям. Но окончательно сложились и оформились они, вне всякого сомнения, под влиянием византийской культуры, которая в течение ряда столетий через церковь и путем грамотности проникала в народные массы и воздействовала на мирозерцание последних главным образом в вопросах религии и морали. К XVII в. круг этих, — на самом деле немногочисленных и однообразных, но многократно повторяемых в различных переводных византийских произведениях, — демонологических представлений полностью был усвоен более грамотным, чем крестьянство, а потому и ближе стоявшим к византийской культуре населением посада. Этим и объясняются многочисленные совпадения в восприятии событий, исторически реальных, с легендарно-поэтическим вымыслом переводных византийских оказаний. Точно также и сходство легендарных мотивов «Повести о Савве Грудцыне» с демонологическими представлениями XVII в. объясняется, конечно, тем, что и повесть и живая действительность в этом случае восходят к одному и тому же источнику — византийской культуре.

Сходство это бесспорно.

Какие же выводы историко-литературного характера по отношению к «Повести о Савве Грудцыне» оно дает нам возможность сделать?

Благодаря этому наблюдению, во-первых, колеблется прочно сложившийся в истории древнерусской литературы взгляд на «Повесть о Савве Грудцыне» как на правоучительное произведение, вращающееся в кругу религиозно-легендарных представлений, в которое только отчасти проникают исторические и бытовые детали русской жизни XVII в. С нашей точки зрения исторические и бытовые элементы составляют основу «Повести о Савве Грудцыне». При этом даже легендарно-демонологические мотивы ее надо рассматривать как литературно-книжное, выполненное в определенном стиле, выражение широко распространенных в XVII в. демонологических представлений. Они проникли в повесть лишь потому, что составляли характерную особенность мировоззрения людей XVII в., хотя для литературного выражения их автор повести и воспользовался той демонологической схемой, которую мы встречаем в ряде переводных сказаний древней Руси.

«Правоучительный» же элемент «Повести о Савве Грудцыне» имеет не отвлеченное религиозное значение, которое ему обычно придавали прежние исследователи повести, а значение социальной морали представителей крупного торгового капитала Московской Руси второй половины XVII в.